

УДК 14(47)(09)
ББК 87.3(2)61-718

Ксения Борисовна Ермишина

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, ведущий научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: xenia_ermishina@mail.ru

**[Рец. на:] Тереза Оболевич. Семен Франк,
Лев Карсавин и евразийцы. Москва: Издательство Модест
Колеров, 2020 (Исследования по истории русской мысли.
Т. 24.) 304 с.**

Аннотация. В 2020 г. вышла книга Терезы Оболевич «Семен Франк, Лев Карсавин и евразийцы». Рецензия на эту книгу описывает ее содержание, подчеркивает сильные стороны и указывает на некоторые недостатки. Автор рецензии считает, что евразийство не стоит исследовать только на основании писем, которые писали друг другу участники движения, жившие в разных городах. Для исследовательской работы необходимо привлекать тексты, статьи и книги евразийцев, поскольку только в них наиболее полно выражены идеи представителей этого движения. Автор рецензии не поддерживает исследовательскую позицию, которая состоит в том, чтобы противопоставлять Франка как представителя направления «русские европейцы» и евразийцев, к которым относится Лев Карсавин, как противников западной культуры. Высоко оценивается работа автора книги с архивными источниками и привлечение богатого эпистолярного материала из архивов России, Европы и США.

Ключевые слова: евразийство, история русской философии, Кламарский раскол, переписка евразийцев, операция ГПУ «Трест», политическая мысль русской эмиграции, методология исследования наследия русской эмиграции

Ksenia Borisovna Ermishina

Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, Senior Researcher, Russia, Moscow, e-mail: xenia_ermishina@mail.ru

**[Review on:] Teresa Obolevich Semyon Frank, Lev Karsavin and
the Eurasians. Moscow, Modest Kolerov Publishing House, 2020
(Studies on the History of Russian Thought, vol. 24.) 304 p.**

Abstract. K. Ermishina's review of Teresa Obolevich's Semyon Frank, Lev Karsavin and the Eurasians (Pontifical University of John Paul II, Krakov, 2020) highlights the strengths and shortcomings of Obolevich's presentation of the figures of the Eurasianist movement. The author of review states that a thorough investigation of Eurasianism should not only be conducted on the basis of personal letters exchanged by members of the movement living in different locations, but that it is necessary to incorporate formal manuscripts and published work for proper research of the movement and its authors, since only articles and books fully express the ideas of the Eurasianists. The author of review does not support the research position, refers Frank

to “Russian European” and the Eurasianists as the deniers of Western culture. The review highly appreciates Obolovich’s work with archival sources and the use of rich personal correspondence from the archives of Russia, Europe and the United States.

Key words: Eurasianism, Russian emigration, correspondence of Eurasinist movement, political idea of Russian emigration, Operation Trust, Klamars’ Split, research methodology of Russian emigration’s legacy

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.1.154-163

Недавно вышедшая в свет новая книга Терезы Оболевич, заведующей кафедры философии религии Папского университета Иоанна Павла II, специалиста по философии С.Л. Франка и русской религиозной мысли, привлекла большое внимание. Тема евразийства является магнитом для исследователей политической и общественной жизни русского зарубежья. Идеи евразийства спустя 100 лет после возникновения вновь стали популярны, обрели новые формы, зазвучали с особой убедительностью. Исследователю философии С.Л. Франка невозможно обойти вниманием работы мыслителя, написанные для евразийских изданий, и тему его взаимоотношений с евразийскими лидерами, одним из которых был друг Франка Лев Платонович Карсавин.

О евразийстве написано много статей и монографий, но до сих пор оно остается камнем преткновения, разделяющим исследователей этого течения на две группы. Одни, вслед за поздним Г.В. Флоровским, пишут о евразийстве как о «соблазне», другие, следуя С.Л. Франку, полагают, что оно было одним из самых продуктивных, самобытных направлений мысли русского зарубежья. Автор рецензируемой книги старается занять нейтральную позицию, поэтому ее исследование выгодно отличается от работ, ангажированных той или иной идеологической установкой или мировоззренческим предпочтением. Книга Т. Оболевич состоит из 4 глав, в первых трех раскрыта тема участия С.Л. Франка в евразийском движении и его взаимоотношений с Л.П. Карсавиным и лидерами евразийства, последняя глава посвящена анализу общих основ и схожих черт философии Франка и Карсавина. В Приложении даны письма С.Л. Франка, его супруги Т.С. Франк и евразийцев (Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Г.Н. Полковникова), а также письма Г.П. Струве, П.Б. Струве и П. Андерсена. Автор книги провела большую работу, разыскивая в архивах (список 12 архивов, с документами которых она работала, представлен в библиографии) письма, которые имеют отношение к теме исследования. Кроме того, Т. Оболевич приводит большое число выдержек из писем, изданных за последние 20 лет.

Евразийские лидеры жили в разных городах Европы – сначала в Софии, где в 1921 г. произошла их встреча, потом в Берлине (Сувчинский до 1925 г.), Вене (Трубецкой с 1923 г.), Праге (Савицкий с 1921 г.) и Париже (Сувчинский, Карсавин – первый в 1925, второй в 1926 г.). Карсавин в 1928 г. переехал в Ка-

унас. Кроме того, существовали евразийские отделения в Подкарпатской Руси, в Праге, Париже, Белграде, Брюсселе и других городах Европы, откуда также осуществлялась переписка. Именно поэтому мы имеем большой корпус евразийских писем, по которым исследователи с максимальной точностью восстанавливают историю движения, его издательские проекты, взаимоотношения между евразийцами, различные интриги, контакты с ГПУ, организовавшим провокаторскую операцию «Трест», и многое другое. Эта работа невероятно увлекательна, публикация писем весьма востребована среди исследователей и просто интересующихся евразийством.

У этого явления, тем не менее, существует вторая сторона, а именно: историю евразийства склонны описывать, пользуясь письмами, а тексты представителей этого движения отходят на второй план. Если бы так обстояло дело с философией Н. Бердяева или о. Сергия Булгакова, то наверняка это вызвало бы значительные возражения. Но увлекательность и сама исследовательская ценность переписки столь высока, что все-таки именно письма, до определенной степени «затмили» другие тексты. Например, письма Н.С. Трубецкого – это еще и блестящие литературные трактаты, с тонким анализом психологических проблем, политических перипетий, обсуждением идей, которые сами по себе претендуют быть отдельным жанром – текстом-лабораторией евразийских идей. Как ранние, так и поздние письма П.Н. Савицкого невероятно интересны и содержательны в плане идей и концепций. Например, его «Философия факта» во многом реконструируется именно из его поздних (после 1957 г.) писем к П.П. Сувчинскому. Письма Л.П. Карсавина евразийского периода полны тонкого юмора, самоиронии, интересных замечаний и многих любопытных деталей быта.

Все это порождает отдельную исследовательскую дисциплину – эпистолярные евразийские штудии. Тем не менее, как уже было отмечено, внимание к письмам может сыграть злую шутку с исследователем: фокусируясь на деталях, можно упустить самое существенное, поскольку евразийство выразило себя все-таки не в письмах, но в сборниках статей и отдельных монографиях (в первую очередь речь идет о монографиях П.Н. Савицкого «Россия – особый географический мир» (Прага, 1927) и «Географические особенности России. Ч. I. Растительность и почвы» (Прага, 1927). Указанный момент характерен и для работы Т. Оболевич: работая с письмами, она ни разу не обратилась к статьям Франка, Карсавина или его основоположников, что делает ее исследование в этом отношении не вполне законченным.

Более того, обращаясь к протоколу допросов Карсавина, которые находятся в особом архиве Литвы, она, приводя довольно длинную цитату из показаний Карсавина о Франке, задается вопросом: «Следует ли считать все вышеприведенные слова доносом или изменой?»¹. Далее автор книги делает замеча-

¹ См.: Оболевич Т.С. Семен Франк, Лев Карсавин и Евразийцы. М.: Изд-во Модест Колеров, 2020 (Исследования по истории русской мысли. Т. 24). С. 16 [1]. (Далее ссылки на это издание в тексте статьи даются в круглых скобках с указанием только страниц.)

ние о том, что «протоколы допросов (вернее, ответов) были нередко сфабрикованы или искажены, хотя, вероятно, Карсавин, действительно, рассказал следователю НКВД все, что ему было известно о своих соотечественниках-эмигрантах» (с. 96). Вводя в научный оборот протоколы допросов, необходимо сделать существенные примечания. Ни о каких изменах или «доносах» речь, конечно, идти не может. Изучая эти протоколы², я пришла к выводу о том, что записанные, а потом набранные машинописью ответы допрашиваемых евразийцев (П.Н. Савицкого, В.Э. Сеземана, П.С. Арапова, Л.П. Карсавина, дочери Карсавина Ирины Карсавиной) состояли из «ядра» аутентичных ответов и примечаний тех лиц, которые эти протоколы записывали и потом множили на машинке. Так, например, всех неугодных в протоколах отмечали как «враждебных Советской власти», «отрицающих марксистскую материалистическую теорию и классовую борьбу», «реакционеров», указывали на «отсталость» в религиозных вопросах и т.д. Сложно представить образованных и верующих евразийцев, изъясняющихся таким шаблонным языком советских штампов. Вместе с тем набор этих штампов присутствует во всех допросах, как если бы все евразийцы говорили одним марксистско-ленинским языком, вешая, как советская газета «Правда», соответствующие ярлыки «врагам Советской власти». Текстологический анализ этих допросов показывает, что протоколы допросов – это вольный пересказ речей евразийцев, которые оформлялись для удобства следователей соответствующими репликами, «украшались» советскими штампами, для того чтобы потом было легче разобраться, кто враг, и определить тяжесть вины согрешившего против советской идеологии. Таким образом, на мой взгляд, ни протоколы допросов, хотя они и содержат важный фактический материал, особенно по теме сотрудничества с ОГПУ (организацией «Трест»), ни письма, в которых порой высказывались нелюбезные мнения, не предназначенные к печати, не являются достаточной научной базой для исследования евразийского движения. На первом месте все-таки должны быть евразийские тексты самих евразийцев, а письма могут служить хорошей иллюстрацией и прекрасным комментарием к ним, но не наоборот.

В рецензируемой книге есть некоторые неточности, например несколько раз утверждается, что Карсавин «порвал с евразийством» в 1929 г., хотя никакого формального разрыва не было. Он просто отошел от движения в связи с Кламарским расколом, а также фактическим кризисом и распадом Парижской евразийской группы, к которой принадлежал. Необходимо отметить, что именно Парижская группа, в которой были сильны левые симпатии, оказалась втянута в интриги ГПУ. Некоторые, как П.С. Арапов, добровольно стали служить Советской власти³, других, как П.П. Сувчинского, использовали «в темную».

² Выражаю благодарность В.И. Шаронову, который первый обратил мое внимание на этот материал и дал возможность с ним ознакомиться.

³ См. об этом: Ермишина К.Б. П.С. Арапов и евразийское движение (новые архивные материалы) // Записки Русской академической группы в США. Том XXXVII. Нью-Йорк, 2011–2012 [2].

ОГПУ пыталось втянуть в свои сети даже Савицкого, организовав для него «нелегальную» поездку в СССР, но, когда в начале 1927 г. обман был раскрыт и в СССР погибли евразийцы, которые работали там в структуре «Треста» как наблюдатели от евразийской организации, Савицкий потерял всякий интерес к сотрудничеству с «Трестом» и начал борьбу против марксистских уклонов Парижской группы. Во время Кламарского раскола он обвинял лидеров Парижской группы в сотрудничестве с ГПУ, но внутри самой группы некоторые приняли это как личный выпад. Карсавин, во всяком случае на первых порах, придерживался именно этого мнения, но со временем ситуация с «Трестом» все больше прояснялась. К концу 1930-х годов уже все евразийцы знали о том, что в их среду проникли советские шпионы, Пражская группа вела борьбу с этим явлением и левыми симпатиями в других группах (например, в Брюссельской евразийской группе) до начала Второй мировой войны.

Пражская евразийская группа продолжала действовать до конца 1920-х годов, но Карсавин поддержал во время раскола Сувчинского, а потом с сожалением констатировал факт гибели левого евразийства. О П.П. Сувчинском в книге утверждается, что он «не был певцом» (с. 60), хотя на самом деле Сувчинский был прекрасным певцом-тенором, исполнение которого высоко ценил сам Игорь Стравинский. Известно, что Сувчинский исполнял партию царя Эдипа в одноименной опере Стравинского. Другое дело, что Сувчинский не любил выступать на сцене, хотя Стравинский не раз привлекал его к участию в постановках во время репетиций, зная, что именно Сувчинский способен исполнить некоторые особенно сложные партии. После Второй мировой войны Сувчинский давал частные уроки игры на фортепиано. Такие фактические неточности вообще характерны для многих книг о евразийстве, что объясняется сложностью, многогранностью материала, а порой и чрезвычайно запутанными обстоятельствами истории евразийства. Стоит упомянуть, что часть переписки участников евразийского движения была зашифрована, некоторые протоколы заседаний писали в двух–трех экземплярах – для Совета Пяти, для Совета Семи (который включал пять евразийских лидеров и двух представителей «Треста») и для внутреннего употребления среди рядовых членов. Все это еще больше запутывает и усложняет дело. Обстановка секретности, разного рода интриг вообще была характерна для русской эмиграции, которая оказалась как бы между двумя пропастями – советским режимом и своим страстным желанием вернуться на Родину. До начала Второй мировой войны Советская власть не чувствовала себя вполне утвердившейся и серьезно опасалась эмиграции, ее контактов с европейскими спецслужбами и различными структурами – академическими, властными, религиозными и т.д. Эмиграция и Советская власть зорко следили друг за другом. Эти и другие обстоятельства обуславливают мелкие неточности, которые допускают те или иные исследователи. Тем более они извинительны для книги Т. Оболевич, которая является все-таки специалистом именно по философии С.Л. Франка и Л.П. Карсавина, а не по истории евразийского движения.

Но об одной неточности стоит сказать особо, поскольку она носит принципиальный характер. Позволим себе привести пару цитат из книги: «прежде всего Франку была чужда “еврофобная философия”, присущая многим участникам евразийского движения» (с. 44); «Франку – глубоко русскому мыслителю – были чужды какие-либо формы национализма, горделивого превозношения одной культуры над другими. Он видел свою задачу не в том, чтобы реформировать общество посредством революционных лозунгов и действий, а в том, чтобы напомнить о значении христианских заповедей для современного ему мира» (с. 46). Тезис о «еврофобии» евразийцев является спорным и проблематичным. Противопоставление Франка как «глубоко русского мыслителя», более того, мыслителя религиозного евразийцам также едва ли правильно. Среди евразийцев не было атеистов, все были людьми верующими и воцерковленными. Трубецкой являлся старостой и благотворителем Венского прихода, на его квартире проводились еженедельные спевки церковного хора, часто семья Трубецкого оставалась без денег, поскольку он оказывал материальную помощь нуждающимся. Савицкий был пламенным христианином, который выжил в советских лагерях благодаря вере в Бога, что нашло отражение в его стихах позднего периода.

Говоря о «еврофобной философии», Т. Оболевич ссылается на книгу литовского исследователя Андреса Мартинкуса «Соблазн могущества (трансформация “Русской идеи” в философии “классического” евразийства (1920–1929))» (М., 2013), в которой этот тезис является краеугольным: «Утверждая необратимость гибели созданной Петром “Петербургской России”, евразийцы в Русской революции усматривали указание на содержание истинной “Русской идеи”, одной из основных элементов которого была антиевропейская установка и борьба с европейской (“романно-германской”) культурой» [4, с. 136]. Флоровский, по мнению автора, в евразийстве представлял европейское начало мысли (антиэтатизм, индивидуализм, истинную вселенскость, трансцендентность, универсализм, свободу и прочие добродетели), но с его уходом эти тенденции затухают, так что евразийство деградирует: «движение во многом стало заложником и жертвой своей фундаментальной установки – “фактопоклонства”⁴, а в газете «Евразия» триумф праздновал «“соблазн религиозно-исторического имманентизма”, о котором уже давно предупреждал Флоровский»⁵.

На наш взгляд, это предположение не является доказанным или очевидным, не требующим доказательства. Сами евразийцы неоднократно подчеркивали свой пиетет перед Европой, как об этом писал еще Савицкий в предисловии к сборнику «Исход к Востоку»: «Мы чтим прошлое и настоящее западно-европейской культуры, но не ее мы видим в будущем... С трепетной радостью,

⁴ См.: Андрес Мартинкус. Соблазн могущества (трансформация «Русской идеи» в философии «классического» евразийства (1920–1929)). М.: Директ-Медиа, 2013. С. 261 [4].

⁵ Там же. С. 265.

с дрожью боязни предаться опустошающей гордыне мы чувствуем, вместе с Герценом, что ныне “история толкается именно в наши ворота”. Толкается не для того, чтобы породить какое-либо “зоологическое” наше “самоопределение”, но для того, чтобы в великом подвиге труда и свершении Россия также раскрыла миру некую общечеловеческую правду, как раскрывали ее величайшие народы прошлого и настоящего» [3, с. 116]. Самым непримиримым «еврофобом» был профессор Венского университета Н.С. Трубецкой, свободно говоривший на многих европейских языках, прошедший раннее детство в Германии и Франции. Традиция отталкивания от «романо-германских народов» или «латинства» вообще характерна для русской религиозной и историософской мысли, которая нуждается в сильном антитезисе для утверждения своего «тезиса» о своеобразии России и русской идеи. Как славянофилы с их трепетом перед священными камнями Европы не были еврофобами, так и евразийцы исповедовали гораздо более тонкую и нетривиальную мысль относительно Европы и европейского периода русской истории. Необходимо отметить, что во второй половине XX в. в недрах самой европейской мысли появилась сильнейшая критика европейского типа цивилизации, религии, организации жизни – критика, связанная с постколониальными исследованиями, начатыми Эдвардом Саидом. Эта критика была гораздо более жесткая, чем у евразийцев, но еще никто не упрекнул авторов этого направления в «еврофобии». Поэтому ссылка на мнение А. Мартинкуса о «еврофобии» и «горделивом превозношении» евразийцев», на наш взгляд, неоправданна. В очень интересной и концептуальной работе Мартинкуса (далеко не каждая работа по истории евразийства содержит авторскую концепцию) все-таки есть как минимум два проблемных положения: многочисленные упреки евразийцам по поводу их мнимой «еврофобии» и тезис, который красной нитью проходит через все исследование, о том, что любое изречение, любая статья и любая мысль Г. Флоровского являются непреложной истиной.

Вообще, этот феномен сам по себе любопытен и нуждается в изучении: если русские начинают рассуждать о своей судьбе, о русской идее, о самоопределении, особенностях или характере русской нации, их сразу же обвиняют в воинствующем национализме или человеконенавистничестве. Пафос евразийства был не в примитивной еврофобии, но в попытке отыскать иной, свой путь для России-Евразии. Более того, отталкивание от Европы – это вообще общий стилистический прием русской политической и историософской мысли, корни которого можно проследить уже в переписке Царя Ивана Грозного с Андреем Курбским или даже еще раньше, в письменности периода Киевской Руси. При этом Европа мыслится не как нечто абсолютно другое и противоположное, как, например, экзотическая Индия или далекая Латинская Америка, но как зеркало, смотря в которое Россия познает саму себя. Евразийская мысль в отношении Европы внесла не так много в традиционную русскую «еврофобию», которую

правильнее было бы назвать концепцией Европы как зеркала России. Разве что Н.С. Трубецкой придал новое измерение дискурсу о Европе (без которого, как уже сказано, Россия не познает саму себя, оставаясь в чистом тезисе-самодовлении, без антитезиса-побуждения к мысли), и это новое заключалось, пожалуй, в его психологических, антропологических и этнологических концепциях, с позиции которых он рассуждает о Европе, Человечестве и исторической судьбе России.

Т. Оболевич совершенно справедливо относит С. Франка и Л. Карсавина к «русским европейцам» (с. 50), но с не меньшим основанием то же можно сказать и о евразийцах, которые были людьми европейски образованными, глубочайшим образом укорененными в устоях европейского мировоззрения, но тем не менее глубоко русскими по духу, страстно ранеными любовью к Родине, к России. Эта тоскующая любовь была вообще характерна для русской эмиграции, но у каждого политического движения или литературного направления она имела свои формы и способы выражения.

Как только Т. Оболевич уходит с зыбкой почвы истории евразийского движения и оказывается в родной для себя стихии франко- и карсавиноведения, небольшие шероховатости и отдельные погрешности исчезают и мы имеем дело с добротным, добросовестным, хотя и весьма лаконичным исследованием. Говоря о сходстве философских произведений двух философов, автор книги сосредоточивает внимание на темах Всеединства, апофатической традиции, которая восходит к учению Николая Кузанского от рансценденции и имманентности присутствия Бога в мире. Основной вывод главы, посвященной сходству философского творчества Франка и Карсавина, звучит так: «В целом философия Франка более глубоко и последовательно выражает христианское мировоззрение, чем мысль Карсавина» (с. 111). Вывод кажется несколько неожиданным, поскольку для такого утверждения требуется показать, что есть христианское мировоззрение, чем оно отличается, к примеру, от философии. Каковы основные черты христианского мировоззрения? Где вообще искать аутентичное выражение этого мировоззрения – в философии, в богословии или в аскетическом самоотречении, в апофатическом молчании о Боге? Эти вопросы крайне серьезны и глубоки. На мой взгляд, философские концепции Франка и Карсавина выражают, каждая по-своему, то понимание Евангелия, которое открылось тому и другому – но разными путями. Они жили в трагическую эпоху, потеряли Родину, страдали от неустроенности, нищеты, невостребованности. Другое дело, что Франк, по своему душевному типу, был человеком более гармоничным, чем Карсавин, но последнему было дано больше пострадать и окончить дни свои мучеником в лагере Абезь. В страдании открываются Бог и истина, во всяком случае, открываются гораздо более полно, чем в тиши каби-

нетного уединения⁶. Поэтому без рассмотрения самых последних сочинений Карсавина вывод о главных чертах сходства и различия философий его и Франка кажется неполным. Во всяком случае, стилистическая направленность, философские темпераменты Франка и Карсавина существенно разнятся между собой.

Карсавин все больше к концу жизни склоняется к экзистенциальному философствованию, которое ярко звучит уже в *Noctes Petropolitanae* (Петроград, 1922), а начиная с «Поэмы о смерти» (Каунас, 1931), произведения литовского периода, уже в полную силу звучит трагический голос – песнь личности, уязвленной Богом и миром. Последние произведения Карсавина, как известно, написаны уже в стихотворной форме. Этому «стихотворному периоду» может тематически соответствовать перевод Франка Первой Элегии из Дуинских элегий Р.М. Рильке, которую Т. Оболевич приводит в приложении. Но философствовал Франк в рамках традиционной мысли (эссе, исследования, трактаты, монографии), в которой также есть своя красота, взлеты и прозрения. Тем не менее сходство с произведениями Франка обнаруживается, скорее, в ранних произведениях Карсавина.

Книга Т. Оболевич демонстрирует тщательную и аккуратную архивную работу, внимание к деталям, знание новейшей литературы по истории евразийского движения. В заключение остается только приветствовать появление новой книги, которая будет интересна для всех, кто занимается историей русской философии, евразийского движения и российской эмиграции.

Список литературы

1. Оболевич Т.С. Семен Франк, Лев Карсавин и Евразийцы. М.: Изд-во «Модест Колеров», 2020. Т. 24: Исследования по истории русской мысли.
2. Ермишина К.Б. П.С. Арапов и евразийское движение (новые архивные материалы) // Записки Русской академической группы в США. Т. XXXVII. Нью-Йорк, 2011–2012.
3. Савицкий П.Н. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
4. Андрес Мартинкус. Соблазн могущества (трансформация «Русской идеи» в философии «классического» евразийства (1920–1929)). М.: Директ-Медиа, 2013.

⁶ Речь идет, конечно, о Христе, о Боге Евангелия, пострадавшем и распятом за грехи мира, а не о пантеистическом Боге, «Боге вообще». Христос стал жертвой за мир, показав, что *всякое* насилие как реакция на недолжное – «избыточно», греховно, поскольку Он уже выпил до дна всю чашу горя и страдания, прекратил все жертвоприношения, Сам став Жертвой. Но мир не принял Христа, поэтому он полон насилия и страдания. Все, кто следует Христу, как правило, также приобщаются к страданию, смерти, мучению. Но через них приходят к высшему, деятельному боговещанию и высшей радости, приобщаясь к Его всецелому страданию. Эта тема чрезвычайно глубока и далеко выходит за рамки этой небольшой статьи. Тема приобщения к страданиям Христа и того, что «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3: 12), довольно подробно раскрыта в апостольских посланиях.

References

1. Obolevich, T.S. *Semen Frank, Lev Karsavin i Evraziytsy. T. 24: Issledovaniya po istorii russkoy mysli* [Semyon Frank, Lev Karsavin and the Eurasians. Vol. 24: Studies on the History of Russian Thought]. Moscow: Izdatel'stvo «Modest Kolerov», 2020.
2. Ermishina, K.B. P.S. Arapov i evraziyskoe dvizhenie (novye arkhivnye materialy) [Arapov P.S. and the Eurasinist movement (new archive material)], in *Zapiski Russkoy akademicheskoy gruppy v SShA. T. XXXVII* [Transactions of the association of Russian-American scholars in the USA. Vol. XXXVII]. New York, 2011–2012.
3. Savitskiy, P.N. *Izbrannoe* [The Collected Works]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010.
4. Andres, Martinkus. *Soblazn mogushchestva (transformatsiya «Russkoy idei» v filosofii «klassicheskogo» evraziystva (1920–1929))* [The Temptation of Power (transformation of the “Russian Idea” in the philosophy of classical Eurasianism (1920–1929))]. Moscow: Direkt-Media, 2013.